

Митрополит Иларион: «Мы должны быть союзниками, чтобы трудиться вместе на едином миссионерском поле»

24 июня во время официального визита председателя ОВЦС митрополита Волоколамского Илариона в Варшаву состоялась его беседа с польскими журналистами

Чем вызвано вовлечение Патриарха Кирилла и Русской Православной Церкви в дело русско-польского примирения? Можно ли сказать, что сейчас начинается новый раздел в польско-русских отношениях?

История наших народов – славная и в то же время трагическая. В судьбе наших народов было много испытаний, тех, которые мы проходили совместно, когда как союзники боролись вместе с одним врагом, и тех, которые выпадали на долю наших народов из-за вражды, в том числе и межконфессиональной. Сегодня, после стольких лет испытаний, мы можем оглянуться на нашу историю и, посмотрев на её славные и скорбные страницы, совместно обратиться к нашим народам с посланием прощения и примирения. Это основная цель встречи.

В Польше, скорее большинство общества готово к примирению с россиянами, а как сами россияне подходят к этому вопросу?

Я думаю, что в России тоже очень многие готовы к примирению. Но помимо того, что мы должны подписать какой-то документ и принять его на уровне наших Церквей, мы должны, конечно, оповещать нашу общественность, зачем это нужно, и разъяснять, почему именно сейчас настал момент, когда мы можем создать и подписать такой документ.

Может ли, а если да, то в какой степени, примирение между нашими народами повлиять на католическо-православный диалог?

Я думаю, что может, потому что те проблемы, которые ещё существуют между Православной и Католической Церквями, имеют не только богословский характер, но это и проблемы, которые мы унаследовали из истории и которые своими корнями уходят в прошлое, когда мы были не союзниками, а соперниками. И для того, чтобы на общецерковном уровне окончательно перейти от ситуации соперничества к ситуации союзничества, мы должны на двустороннем уровне говорить о проблемах, которые существовали в прошлом, и находить по ним общий язык и общую точку

зрения.

Существует мнение, что отношения между Ватиканом и Русской Православной Церковью в данный момент, при понтификате Бенедикта XVI, самые лучшие в истории. Разделяет ли Ваше Высокопреосвященство эту точку зрения?

Я думаю, что мы сегодня достигли очень хорошего уровня отношений, мы очень удовлетворены позицией папы Бенедикта XVI по многим современным вопросам и солидарны с ним в его желании заново евангелизировать Европу, о чём он неоднократно говорил. Мы готовы совместно с ним и совместно с Католической Церковью осуществлять эту благородную деятельность. Я думаю, что сегодня ни одна христианская Церковь, даже столь многочисленная и влиятельная как Католическая, не сможет заниматься евангелизацией народов в одиночку. Сегодня мы должны быть союзниками, чтобы трудиться вместе на едином миссионерском поле.

А можно ли сказать, что в равной степени хороши и отношения между католиками и православными в России?

Я думаю, что сегодня в России в целом очень хорошие отношения между православными и католиками. Тема прозелитизма, которая остро стояла на повестке дня ещё в начале девяностых годов, сегодня уже не стоит столь остро. Сегодня есть довольно высокий уровень взаимодействия и взаимопонимания. Я хотел бы отметить большой вклад, внесённый в улучшение ситуации апостольским нунцием в России архиепископом Антонио Меннини и архиепископом в Москве Паоло Пецци.

Что сближает, а что пока ещё разделяет наши Церкви? Думаете ли Вы, что когда-нибудь нас объединит также и совместная евхаристическая трапеза?

Мне кажется, что сейчас ещё рано говорить о совместном евхаристическом служении, и было бы нереалистично в ближайшей перспективе ожидать того, что все наши накопленные веками разногласия в догматической области, в области учения о Церкви, а также другие существующие разногласия уйдут в прошлое. Я хотел бы подчеркнуть, что основой для совместной Евхаристии является верность традиции древней Церкви и, как уже неоднократно говорилось на совместных богословских православно-католических заседаниях, основой для воссоединения должна служить вера Церкви первого тысячелетия. Если мы поймём, что веруем так, как веровала Церковь первого тысячелетия, тогда отпадут препятствия для воссоединения.

Мы, православные, считаем, что мы сохранили веру Церкви первого тысячелетия, потому что мы не вносили никаких новшеств, догматических или экклезиологических. И мы также считаем, что такие новшества были внесены Католической Церковью.

Поэтому мы должны это обсуждать и говорить об этом, что сейчас и происходит в рамках Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу.

Я не думаю, что работа будет легкой, но не считаю её безнадёжной. Я считаю, что у нас есть перспектива, есть цель, и до тех пор, пока существует разделение между православными и католиками, это разделение будет продолжать оставаться раной на теле мирового христианства.

А как вы понимаете вопрос примата папы римского?

Мы понимаем примат римского папы как примат первого среди равных в семье христианских Церквей. Мы считаем, что в первом тысячелетии папа римский был патриархом Запада и в диптихах Церквей, т.е. в официальном порядке Церквей, он был первым, но его власть не распространялась на православный Восток. Как раз сейчас эта тема обсуждается в рамках православно-католического диалога, и, может быть, уже в сентябре этого года мы сможем принять совместный документ, который описывает примат римского епископа в первом тысячелетии. Так вот, мы готовы принять этот примат в такой форме, в какой он существовал в первом тысячелетии. Но мы не готовы принять то развитие примата, которое он получил во втором тысячелетии.

Мы славянские народы. На Ваш взгляд славянские связи играют ли какую-нибудь роль в современном мире?

Я думаю, что славянский мир это особый мир, который объединён лингвистическими и культурно-духовными корнями. Наша культура обязана святым Кириллу и Мефодию, от которых мы получили алфавит, грамматику, книжное образование и, самое главное, – Библию. Благодаря трудам равноапостольных братьев многие славянские народы получили христианскую веру. Так случилось, что после печального разделения 1054 года некоторые славянские народы оказались по одну сторону, некоторые – по другую, и теперь можно говорить о том, что, например, русские представляют восточных, а поляки – западных христиан, хотя эта граница между Востоком и Западом очень прозрачна и гораздо больше нас объединяет, чем разъединяет.

Какими Вам видятся шансы созыва Всеправославного собора? Каковы его цели?

На мой взгляд, эти шансы сейчас достаточно велики, поскольку Константинопольский Патриарх Варфоломей, который среди Предстоятелей Православных Церквей является первым среди

равных, настроен на то, чтобы провести этот собор в ближайшие годы. Когда недавно он был в Москве, то сказал, что хотел бы созвать собор в течение одного года или двух, максимум, трёх лет.

Подготовительная работа велась очень долго – с начала 60-х годов, но она много раз приостанавливалась. Последний раз это произошло в середине 90-х годов. И не последнюю роль в этом сыграл кризис во взаимоотношениях между Москвой и Константинополем после того, как Константинополь в одностороннем порядке создал свою юрисдикцию в Эстонии. Сегодня эстонская проблема не снята, она продолжает существовать, но после интронизации Патриарха Кирилла с нашей стороны был предпринят целый ряд шагов для того, чтобы изменить климат во взаимоотношениях между обоими Патриархатами. Патриарх Кирилл посетил Стамбул, Патриарх Варфоломей недавно пребывал в России, и оба эти визита прошли в духе доверия и взаимопонимания. По сути дела мы предложили Константинополю новый уровень отношений, основанный на доверии и взаимных консультациях. Я думаю, что в этой ситуации, когда основной, может быть, очаг напряжения, который существовал в православном мире, уже в значительной степени погашен, совместные усилия для подготовки Всеправославного собора могут значительно интенсифицироваться. И мы уже это наблюдаем.

Документ – это одно, а конкретные шаги после него – другое. Какие могут быть следующие шаги?

Я думаю, что мы должны чаще общаться. Должны быть более регулярными обмены визитами между епископами – русскими православными и польскими католическими. Мы можем более систематически организовать паломничества к святыням наших Церквей. Я бы хотел ещё отметить, что очень важно, чтобы в наш диалог была вовлечена также Польская Православная Церковь. Диалог был задуман изначально как диалог между Католической Церковью в Польше и Русской Православной Церковью, но Польская Православная Церковь не должна быть изолирована от этого процесса, потому что именно она может рассказать миру о страданиях мучеников в 20-е и 30-е годы. Эта Церковь является неотъемлемой частью истории Польши, и поэтому я думаю, что она ни в коем случае не может быть исключена из диалога. В итоге мы должны разработать такую модель взаимоотношений, которая включала бы все стороны и которая способствовала бы взаимопониманию, добрососедству, мирному существованию и совместному труду на благо наших народов и наших стран.

Каково Ваше отношение к греко-католикам? Ещё недавно это была большая проблема во взаимоотношениях православных и католиков?

Православные и католики в Баламанде (1993 г.) согласились в том, что уния не является методом достижения единства. Таким образом, сам феномен униатства получил отрицательную оценку и с

той, и с другой стороны. Но существуют греко-католические церкви в разных регионах мира, в частности на Западной Украине, в Румынии и в ряде других стран. И мы должны понимать, что они состоят из живых людей, которым нужны храмы, богослужения, у которых есть свои священники и епископы. Наша задача заключается в том, чтобы найти такой формат взаимоотношений, который исключал бы вражду, насилие, захваты храмов, взаимные обвинения.

К сожалению, всё это мы имели в Западной Украине на рубеже 80-90-х годов. И то, что могло бы стать восстановлением исторической справедливости, обернулось новой исторической несправедливостью. В 1946 году греко-католическая церковь была запрещена тоталитарным режимом – это было насилие над совестью людей. И некоторые из них попали в сталинские застенки. Это была одна из многих исторических несправедливостей, одно из многих преступлений сталинского режима.

Но нельзя пытаться исправлять одну историческую несправедливость, создавая новую. Нельзя было на рубеже 80-х и 90-х годов насильственным путём восстанавливать ситуацию до 1946 года. Должен был быть более цивилизованный, грамотный и дружелюбный процесс передачи храмов. Если бы это произошло тогда на соответствующем уровне, мне кажется, что не было бы того напряжения, которое сейчас существует.

Сегодня надо искать решение тех проблем, которые существуют на местах для того, чтобы этих проблем не осталось, и чтобы обе религиозные группы были удовлетворены, и все верующие имели возможность молиться в храмах и совершать богослужения.

Ваше Высокопреосвященство уже давно ценят за Вашу открытость и работу для Православной Церкви, но не только. Вы являетесь также талантливым композитором. Насколько музыка помогает Вам в церковной деятельности? В какой степени епископское служение вдохновляет Вас на музыкальное творчество?

Дело в том, что я учился музыке с 3 лет до 20-летнего возраста, и музыка настолько глубоко вошла в моё сознание, что стала частью моего человеческого естества. У нас, православных, богослужение так построено, что священник часто читает молитвы во время музыки. И вот если хор запоеет не то, что надо, то я иной раз отвлекаюсь, не могу сосредоточиться на тех молитвах, которые я читаю.

Но, конечно, чаще музыка помогает, чем мешает, потому что она помогает снять стресс, возвращаться в тот мир гармонии, который, как я думаю, является отражением небесной и божественной гармонии. Древние греки говорили, что музыка – это язык, который боги подарили людям, и мне кажется, что в этом языке есть что-то особое и божественное, потому что он

превосходит по каким-то параметрам обычные человеческие языки. При помощи этого языка можно передать людям то, что невозможно передать на любом другом языке, что невозможно передать словами.

Конечно, сейчас, будучи председателем ОБЦС, я не имею возможности писать музыку, но когда я имел такую возможность, я пользовался ей довольно редко, так как для меня сочинение музыки никогда не было профессией, а было проявлением вдохновения. У меня нет музыкальных планов, но я думаю, что если вдохновение неожиданно меня настигнет где-нибудь: в аэропорту, как это бывало, или в самолёте, то я не буду этому сопротивляться.

Служба коммуникации ОБЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/57062/>